История про девочку из деревянного покосившегося дома

16+

История Кларибэль

Альвера Албул

Тайна существует только для того, чтобы быть раскрытой, чтобы выдать самое себя

Жиль Делез

Альвера Албул

История Кларибэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41817018
SelfPub; 2020
ISBN 978-5-532-10664-2

Аннотация

Кларибэль учится в церковной школе, а отец её спившийся пастырь. Всё могло бы и встать на свои места, но её отец умирает от туберкулеза. Выясняется, что при жизни мужчина набрал большое количество долгов, вернуть которые не успел, и девочка вынуждена начать работать в доме мистера Гилмора. Он принимает её к себе в дом прислугой и постепенно привязывается к ней как к дочери, а сама Кларибэль узнает, кто же она на самом деле.

Содержание

Появление на свет 4
10 лет спустя 10
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Появление на свет

Начало дня уже никому не нравилось: солнце ушло, и на улице вернулась зимняя прохлада. Тяжелые тучи стянули небо, и над графством Кент, английской землёй повис мрак. Не хватало косых линий дождя. В небольшом имении в пригороде Лондона, жители которого ходили с недовольными лицами из-за погоды и в первые не хотели её обсуждать, должен был быть праздник.

– Дурная погода! Ребёнок родится со скверным характером! – в одной из темных комнат стояла экономка и лениво складывала постиранные простыни.

Рядом с ней стояла тонкая фигурка в чёрном скромном платье и с чепчиком на затылке, белые кружева казались серыми.

– Если это так, мне предстоит много работы, – ответила девушка, поправляя скромный золотистый локон.

– Ох, мисс Кейси, надейтесь, что это будет девочка! – экономка махнула указательным пальцем и вышла из комнаты, а потом вдруг заглянула в комнату. – Пойду проверю миссис Бартон. Наверное, ей нужны чистые полотенца.

– Да, конечно, мисс Вуд, – девушка поклонилась, и экономка, ничего не ответив, шумно ушла куда-то по коридору.

Этажом выше, лёжа в кровати, умирала женщина. Ее тонкая кожа казалась зеленой, темные волосы спутались, белок

глаз был залит кровью, и на простынях лежали ослабевшие хрупкие руки.

Над ней у кровати стоял пастырь, его брови были сдвинуты и с непередаваемой болью он смотрел на круглый живот, обтянутый простынёй.

– Умоляю Вас! – сухие бледные губы шевельнулись. – Спасите моего ребёнка!

– Я не знаю, чем я могу помочь, – холодным голосом ответил он, скрывая боль, готовую сокрушить его.

– Пожалуйста…

– Изабелла! – пастырь пал у кровати на колени. – Милая Бель! Я бессилен!

В комнате повисла тишина, слышно было лишь тяжелое дыхание обоих.

– Но это же Ваш ребёнок…

Дверь в этот момент слегка приоткрылась, и в щель глянули глаза экономки.

– Миссис Бартон, как Вы себя чувствуете? Мы недавно получили письмо от Вашего мужа сера Бартона, он сообщает, что скоро прибудет.

– Спасибо, мисс Вуд, – ответил пастырь.

– А Вам бы я советовала бы уйти, – проговорила экономка, – все знают про Ваши напряженные отношения с мистером Бартоном.

Пастырь поднялся на ноги, провёл по умирающей быстрым взглядом и молча вышел из комнаты.

«Не уходи» – услышал он в последнюю секунду, но оставаться он не мог.

Быстрым шагом он спустился на первый этаж. Он был освещён светом канделябров, и в их свете пастырь увидел девушку в чёрном платье.

Она стояла у камина, грея свои тонкие пальцы. Обернувшись через плечо, она столкнулась с холодным уставшим взглядом пастыря. Ему не было больше двадцати трёх, но сегодня он выглядел значительно старше.

– Добрый день, – отозвался он.

– Добрый, святой отец, – она поклонилась.

– Я не видел Вас здесь раньше.

– Меня нанял на работу сер Бартон, для воспитания и обучения его ребёнка, – ответила девушка, – меня зовут Линетт Мери Кейси.

– Я пастырь церкви недалёко отсюда, я Бернард Дэй, – ответил он.

– Как Вы думаете…? – через секунду она замерла, сверху разнесся оглушительный женский крик.

«Изабелла!» – мистер Дэй бегом поднялся на второй этаж и открыл дверь в нужную спальню. На постели тяжело дыша лежала миссис Бартон, цепляясь руками за простыни. Родоразрешаться ей помогала экономка.

– Святые угодники! – позади мистера Дэй появилась гувернантка, хватаясь за сердце.

Снова послышался крик, но уже новорожденного, что к

груди прижимала мисс Вуд.

– Кто там? – слабыми губами спросила роженица.

– Это девочка, миссис Бартон! Это девочка!

В ответ на слова экономки женщина снова закричала.

– Святой отец! Подержите! – экономка протянула пастырю в руки завёрнутую в полотенца девочку, что громко кричала.

Повинуясь, он прижал к груди ребёнка.

Крики миссис Бартон казались бесконечными, пока не были прерваны криками ещё одного новорожденного. В следующую секунду крики резко стихли. Новорожденные тихо дышали на руках мистера Дэй и мисс Вуд. Миссис Бартон не подавала признаков жизни.

– Милая, у Вас ещё и мальчик, – тихо проговорила экономка.

Но в ответ ничего не последовало.

– Что теперь? – спросила позади гувернантка.

В этот момент с улицы донеслось лошадиное ржание, и с грохотом раскрылась дверь в дом. Тяжелыми ногами кто-то поднимался по лестнице, спеша в спальню.

Пастырь держал на руках ребёнка, и его одолевали смешанные чувства.

– Вы не можете, – заметив метания юноши, заговорила экономка.

– Он ведь не узнает, – сказал пастырь, – пусть воспитывает наследника, девочку я заберу!

– Не говорите глупостей! Вы ведёте себя не разумно, мистер Дэй! – экономка начала злиться. – Мисс Кейси, заберите у него ребёнка!

Гувернантка же молча стояла и не понимала, что происходит.

Пастырь откинул свою чёрную мантию, прижал к груди под ней младенца, и закрыл его мантией обратно. Выглядело это так, словно пастырь за секунду набрал пару лишних килограмм.

– Вы не понимаете, что творите!

В этот момент в спальню вошёл высокий, плечистый мужчина с чёрным ледяным взглядом. От него веяло холодом и дискомфортом.

– Мисс Вуд, – заговорил он громкий голосом, гремящим как гроза.

– Сер Бартон, у Вас сын, – ответила экономка, протягивая ребёнка, но мужчина проигнорировал это. Он смотрел на мертвое тело своей жены.

– А она?

– Сер Бартон, – тихо говорила экономка, – она…

– Идите все вон! – крикнул он, что все в комнате вздрогнули, а ребёнок в руках экономки закричал. В мантии пастыря тихо спала новорожденная девочка.

Пользуясь моментом, святой отец вышел из комнаты и направился вниз по лестнице.

– Мистер Дэй, а ребёнок? – бежала за ним гувернантка.

– Она моя.

10 лет спустя

Темный локон обрамлял овальное лицо, с тонкой бледной кожей. Синие глаза сияли юностью и задорством, но девочка смирно сидела за столом и пыталась записывать все, что говорит её учительница в церковной школе. Это была монашка. Поэтому единственное, что было видно это круглое и бледное как Луна лицо и натруженные ладони.

– Кларибэль, ты снова не с нами, – заговорила монашка, и девочка подняла испуганный взгляд.

– Я внимательно слушала вас, – заговорила девочка, и монашка покраснела от гнева:

– Ложь – это грех! – она подошла к столу девочки. – И не думай, мерзавка, что если твой отец тесно общается с нашей директрисой, у тебя есть возможность надолго задержаться здесь!

Кларибэль промолчала, опуская взгляд.

Когда дали звонок с урока, девочка вскочила со своего места и выскочила из кабинета. В школе оставаться ей не хотелось, и пусть, что накажут. Спрятав выбившийся локон обратно под чепчик и отдернув своё скромное ученическое платье, она побежала к выходу из школы.

На улице была поздняя весна, уже как месяц ей исполнилось целых десять лет, которые она прожила в небольшом скромном деревянным доме со своим отцом, запойным цер-

ковным пастырем.

Бегом спускаясь по склону мха и камней, пробиваясь в некоторых местах через кусты травы и неизвестных ей цветов, она бежала от школы к дому.

У дома, на ступенях, сидел её отец мистер Бернард Дэй. Чёрная мантия была в грязи, в худой руке он сжимал бутылку, и синий безучастный взгляд поднялся на его дочь.

– Бель, сегодня ты рано, – заплетающимся языком говорил он.

– Я сбежала после урока мисс Фокс. Она назвала меня мерзавкой! Отец, она же служит Богу, почему же сердце её не чисто?

– Не все, кто верит в Бога, чисты душой, – ответил ей отец.

– А моя мама верила в Бога? – спросила девочка и села рядом на ступеньку.

– Да, именно это её и привело ко мне, – ответил мужчина.

– И у неё была чистая душа?

– Самая чистая на свете, – мужчина сделал глоток из бутылки, – и ты очень на неё похожа.

– А как Вы с ней вообще познакомились?

– Однажды, тогда мне было 17, мой отец за два года до этого скончался, и я мог нести полноценную службу в церкви, к нам пришла девушка. Она была вся в слезах, но это не делало её менее красивой. Она упала на колени и молила Господа, что бы её отец передумал и не выдавал её замуж за мужчину, которого она не любит. Сер Бартон был уважа-

емый человек, все его знали, весь Лондон о нем говорил…

– Лондон? Но это же так далеко отсюда!

– Его имение находилось в графстве Кент, и он один из богатейших джентльменов, пусть и обходился немногим.

– Мою маму хотели женить на нем из-за денег?

– Именно так, Бель. Именно так. Тогда, в церкви, мы и познакомились.

– Бог услышал маму? Она вышла потом за тебя?

– Боюсь, все было несколько сложнее, – ответил он, и провёл пальцем по щеке дочери, – Бог услышал её, но оказался бессилен. Не было более жестоких людей, чем её родители: мистер и миссис Уолкерсон.

– Она вышла замуж за того сера?

– Именно, – сказал отец, – именно так.

Бэль замолчала, уведя в взгляд в землю. Она ничего не могла понять.

В эту же секунду стеклянная бутылка выпала из рук ее отца, и тот повалился на землю, извергая рвоту.

«Отец!».

Холод остался за стенами дома, Бэль сидела в кресле у скромного камина и разглядывала носки своих туфель, мечтая утром не идти в школу. В соседнем кресле, завёрнутый в плед, сидел её спящий отец. По небритой щеке текла слюна.

Храп затих, и мужчина медленно открыл свои сонные глаза.

– Ох, Ванесса, – проговорил он хриплым голосом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила девочка.

– Я хорошо, иди. Тебе пора спать.

Холод это единственное, что наполняло дом. Холодная постель, холодные стены. Проснувшись утром, Бэль поняла, что в этом доме уже никогда не быть теплу. В кресле, как вечером до этого, сидел её отец. Он не держал в руке бутылку, он держал платок в кровавых пятнах.

– Иди в школу, – хриплым голосом проговорил ей отец, и девочка, зажав рот, выбежала на улицу.

Задыхаясь от усталости, она бежала вверх по склону к школе. Внутри её встречали недовольными взглядами, и как только она переступила порог, её плечо сжала крепкая рука мисс Фокс. Бледное круглое лицо со злыми глазами опустилось до уровня Бэль.

– Ты сбежала вчера с уроков!

– Мне нужно к директрисе, – говорила Бэль.

– Именно туда мы сейчас и отправимся, мелкая поганая девчонка!

Сжимая ее плечо, мисс Фокс повела ее в нужный кабинет. Короткий стук, и им разрешили пройти.

Директриса была красивой женщиной с темными волосами, и несмотря на то, что она была одним из учителей церковной школы, она одевалась совершенно иначе – статус обязывал. Волосы были завиты и закреплены на затылке большой серебряной заколкой с сапфирами, платье было с множеством подкладок и складок с пышным бантом на спи-

не темно-оливкового цвета. На бледном лице были ярко нарисованы губы и румяна. Бэль попала в комнату к большой и красивой фарфоровой кукле.

– Мисс Дэй, – директриса явно была удивлена, потому подняла на мисс Фокс непонимающий взгляд.

– Мерзавка сбежала вчера с уроков, миссис Йорк, – ответила она директрисе.

– Оставьте нас, – попросила женщина в темно-оливковом платье, и мисс Фокс, недовольно скривив лицо, вышла.

Директриса долго молчала, скользя взглядом по стенам и потолку, а потом тихо заговорила, словно они были друг другу самыми близкими друзьями:

– Что случилось, Ванесса?

– Отец болен, – слишком громко ответила Бэль, оттого женщина на неё зашипела, – тетушка! Что со мной будет, если папа умрет?

– Вы вызывали доктора? – спросила миссис Йорк.

– Нет, – ответила девочка, – я папочку сегодня утром увидела, он кашляет кровью в свой платок.

Из глаз девочки потекли слезы.

– Чахотка… возвращаться домой тебе нельзя.

– Тетушка, Вы возьмёте меня к себе после смерти папы?

– Милая моя, твой отец пусть и мой двоюродный брат, но мой муж дурно относится к вашей крови. Сегодня, переночуешь в школе. Я хочу лучшего будущего для тебя, но денег после смерти тебе отец не оставит, а значит, у тебя начнёт-

ся сложный путь. Я постараюсь определить тебя в какую-нибудь школу-интернат, но лучшей жизни не жди.

– Тетушка, – девочка горько заплакала, падая на колени.

– Кларибэль Ванесса Дэй, поднимись на ноги, – строгим голосом проговорила директриса, и девочка, понимая, что находится в первую очередь в кабинете директора, поднялась с колен.

– Вы оставите меня в Шотландии? – тихо спросила Бэль.

– Ещё не знаю, зависит от того, на каком приюте я остановлюсь, – ответила директриса, – здесь, в Шотландии, проще найти будет тебе место, здесь много заблудших душ.

Бэль подняла взгляд на директрису, но та не смотрела на девочку. Она смотрела в окно своим холодным серым взглядом из-под длинных светлых ресниц.

– А теперь иди, – приказала она, – и пусть мисс Фокс хорошенько накажет тебя. Ты сбежала с уроков.

Боль наполняла стены школы. Боль, когда за неровный почерк били тросточкой по пальцам. Боль, когда плетью били по спине за любой другой проступок.

Слезы текли по щекам, когда Бэль стояла перед классом, и с наполненным блаженством лицом ее по спине лупила мисс Фокс.

– Ты мерзавка! Твой отец такой же! Чертов пьянь! – приговаривала она после очередного удара. – Дурная семейка! Мы здесь выбьем из тебя дурь!

Все уроки Бэль сидела смирно, иногда боясь поднять

взгляд на своих надзирательниц. Во время обеденной молитвы Бэль мысленно просила бога, чтоб все ужасы закончились не начавшись, но вечером, когда Бэль осталась ночевать в школе, и уже удобно расположилась за своей партой, в кабинет вошла миссис Йорк и с ней незнакомый мужчина в потертых штанах и рубашке.

– Бэль, со мной, – проговорила директриса, и девочка поднялась с места.

Втроем они прошли в кабинет директора.

– Сядь, – приказала она, и Бэль присела на деревянную скамью у стены.

– Уважаемая миссис Йорк, – заговорил мужчина, – Вы уверены, что стоит сообщить ей эту информацию сейчас?

– Конечно! – лицо фарфоровой куклы изобразило нечитаемые эмоции. – К чему тянуть!?

– Мисс Дэй, – мужчина посмотрел на девочку, – очень больно сообщать Вам, но Ваш отец скончался сегодня днём. Предположительно, это была чахотка.

– Мне очень жаль, Кларибэль, очень. Но это значит, что ты больше не можешь оставаться в этой школе. К тому же, мистер Стивенс сообщил мне, что за именем твоего отца остался долг в две тысячи фунтов перед нашей школой и мистером Гилмором. Боюсь, именно тебе придётся вернуть долг.

– Но откуда у меня такие деньги? Миссис Йорк, – говорила Бэль.

Ей казалось происходящее не может быть реальностью.

Она спит у себя дома в постели – это все страшный сон.

– Поэтому я здесь, мисс Дэй, – заговорил мужчина, – Вам придётся отработать деньги своего отца.

– Отработать?

– Мистер Гилмор хочет видеть Вас в своем доме прислугой.

Мир ушёл из-под ног.

Никакого лицея, приюта или церковной школы. Она не получит образование вообще, всю жизнь работая на богача ради двух тысяч фунтов, что ей нужно выплатить.

– Вы можете забирать её сейчас, – говорила директриса.

Неизвестность, вот что скрывали стены большого особняка в нескольких километрах от её дома, где казалось, осталась вся её жизнь. Колени тряслись от ужаса, и Бэль потому чуть не выпала из экипажа, привезшего ее и мистера Стивенса из школы.

Особняк был просто огромным, окруженный каменным забором, по которому рос плющ. Вдали множество окон горело светом, из труб валил дым. За забором Бэль увидела огромный фонтан, выбрасывающий вверх тонны воды, и вдаль уходил сад, с начавшими цвести деревьями. Дом выглядел гостеприимно, но девочка понимала, там её ждут, но не с благими намерениями.

В этот момент она заметила бегущую к ним от входа даму в пышном скромном платье и с чепчиком на голове.

– Мистер Стивенс, – крикнула она издали, – мистер Сти-

венс!

Когда она была уже близко, Бэль смогла разглядеть ее пухлое лицо с красными щеками и поросячьи голубые глазки. Из-под чепчика выбились кудрявые блондинистые волосы.

– Мисс Аллен, добрый вечер, я привёз девочку, – заговорил мужчина.

– Конечно, конечно, – женщина восстанавливала дыхание после бега, – это замечательно, мистер Гилмор уже заждался!

– Тогда может Вы?

– Да, я её и поведу, – ответила женщина и первый раз за все это время опустила взгляд на девочку, – как же ж тебя зовут? – спросила она своим приятным женским голосом.

– Кларибэль Ванесса Дэй, – ответила девочка.

– Удивительное имя, кто бы подумал, что так будут звать простушку из церковной школы, воспитанную пастырем алкоголиком, – в конце она улыбнулась.

– Действительно, мисс Аллен, никто бы и не подумал, оставлю её Вам.

Женщина ему кивнула и, взяв Бэль за руку, направилась в сторону дома.

Внутри дом был тёплым и уютным, освещенным множеством свечей. Мисс Аллен, все ещё держа девочку за руку, повела её по длинному коридору с зелёным ковром и картинами.

– Меня зовут мисс Аллен, я здесь экономка. Прислуги в

доме много, но ты особенный случай, потому я буду очень внимательно наблюдать за тобой, – вдруг заговорила женщина.

– Вы можете называть меня просто Бэль, – ответила девочка.

– Просто Бэль? Ну, хорошо. Просто Бэль.

Женщина открыла тяжелую дверь, и они попали в небольшой кабинет с книжными шкафами, письменным столом из дуба темного цвета и большим камином, огонь в котором освещал всю комнату. В кресле рядом сидел мужчина, на вид лет тридцати, но для Бэль тогда показалось, что он уже старик. В руках он держал книгу и на его серьезном лице читалась усталость.

– Мисс Аллен, – заговорил он, – привели?

– Конечно, сер! – ответила женщина. – Вот же она! Мисс Дэй!

На Бэль опустился тяжёлый пронзительный оценивающий взгляд, и мужчина поднялся из кресла.

– Я ожидал, что мисс Дэй будет старше, – говорил мужчина, – а ей около семи.

– Мне десять, сер, – ответила Бэль, не смущаясь взгляда.

– Значит, считать в школе научили, – задумчиво протянул он, – хорошо. А писать?

– Умею, сер, – ответила девочка.

– И читать соответственно? – мужчина прошёл к своему столу и поднял книгу.

Бэль моментально узнала ее, это была библия.

– Да, – ответила она.

– Библия, уверен, была единственная книга, что Вы прочли. Но это не страшно! В любом случае, я не запрещаю своей прислуге читать, если она умеет это делать, а мой дом – огромная библиотека.

Мисс Аллен рядом зарделась, опуская взгляд.

Бэль окинула комнату взглядом, только в этой комнате было больше сотни разных книг.

– Даже Библия у меня есть в разных вариациях, думаю, Вы найдёте себе то, что Вам интересно.

– Мистер Гилмор, а её главная обязанность? – спросила мисс Аллен.

– Очень жаль, мисс Дэй, что Ваш отец скончался, не успев вернуть мне долг. Он должен был вернуть мне полторы тысячи фунтов. Мне плевать, – грубо произнёс он, – что миссис Йорк ждёт свои пятьсот фунтов, но раз деньги так ей нужны, взяла бы Вас работать к себе. Но раз это сделал я, – он говорил эмоционально, – пусть возвращает деньги школе из своего кармана. Насколько знаю, миссис Йорк ваша тетушка?

– Да, она двоюродная сестра моего отца, – ответила Бэль.

Мужчина молча кивнул, а затем продолжил:

– Я выделяю Вам третий этаж. Мисс Аллен Вам все покажет. Вы будете работать с двумя другими прислугами. И. …, – тут он остановился, – жить Вы будете там же.

– На третьем этаже? – спросила мисс Аллен. – Но прислу-

га живет…

– Прислуга пусть живет, а Вы выберите для мисс Дэй одну из спален третьего этажа.

Мисс Аллен молча поклонилась, и потащила Бэль из кабинета.

Третий этаж был этажом гостей, в то время, когда прислуга жила в спальнях на первом этаже возле кухни, почти в погребе, где всегда было холодно и влажно. Третий этаж был длинным, с множеством спален для гостей, небольшой библиотекой и с выходом на балкон в бальной зале.

Мисс Аллен шла гусиной походкой, уже отпустив Бэль. Ее юбки платья шумели по синему ковру третьего этажа.

– Сер был очень добр к тебе, – проговорила экономка, – отплати ему хорошей работой.

– Я буду стараться.

Комната, которую выделила ей мисс Аллен, была самой маленькой, с солнечной стороны с бледными зелёными стенами, при этом в комнате Бэль замерла от изумления и восторга. У неё никогда не было столько широкой и роскошной постели, никогда в её спальне не было своего камина. На камине стучали часы, на стенах висели картины, стоял комод, шкаф с книгами, на полу был золотой ковёр, письменный стол и стул стояли у окна, и Бэль ни сразу их заметила. Что удивило девочку больше всего, так это большая белая ёмкость у дальней стены, которая блестела своими белыми края на лунном свете.

– Не смотри так, это ванна, и даже не знаю, когда тебя в ней помучить, – говорила мисс Аллен, – наш хозяин не терпит зловония грязного тела, оттого он требует от всех регулярных ванн. Ты, вероятно, никогда не мылась до этого.

Бэль подняла на мисс Аллен глаза полные ужасы. Она не помнит, чтоб хоть раз в жизни принимала ванну.

– Оттуда и запашок, – подтвердила мисс Аллен, – у мистера Гилмора есть друг, он доктор, – она прошла к камину и стала его разжигать, – он постоянно рассказывает ему о вреде курения, вина, корсета. Он-то и убедил сера в том, что ванна необходима человеку.

Бэль молча наблюдала за работой, и вскоре комнату осветил тёплый желтый свет.

– А теперь залазь в постель и спать! – потребовала мисс Аллен.

Бэль послушно запрыгнула на кровать, сбросив с ног свои чёрные затертые туфельки, и залезла под тяжелое, влажное одеяло.

Мисс Аллен прошла через комнату к выходу и её голос смягчился:

– Отдыхай. Как проснёшься, позвони в колокольчик, дальше я займусь тобой.

– Хорошо. Спокойной ночи, мисс Аллен.

– Спокойной ночи, Кларибэль Ванесса Дэй, – она добро усмехнулась и вышла из комнаты.

Бэль покинули силы, она даже не представляла, что так

сильно устала за этот день. В голову пришли мысли об отце, и по щекам потекли слезы. Она наконец поняла, что прошлая её жизнь закончена. Она уже никогда не пойдёт в свою церковную школу, никогда не вернётся в свою деревянную хижину, никогда не увидит отца.

Сотрясаясь в рыданиях, Бэль уснула лицом в подушку.

Мисс Аллен не стала ждать звонка, так как было уже десять утра, а девочка все никак не просыпалась.

В маленькую комнату на третьем этаже мисс Аллен пришла не одна, с ней были ещё три девушки в возрасте около двадцати. Они были худыми, с бледными лицами и совсем не привлекательными.

– Кларибэль, – мисс Аллен прошла к кровати, и девочка раскрыла глаза, понимая, что все это было не страшным сном, на который она надеялась.

– Доброе утро, мисс Аллен, – девочка подняла голову с подушки и стала стягивать с себя одеяло.

– Я пришла не одна, сейчас с девочками мы тебя помоем, переоденем и начнём объяснять работу. Мистер Гилмор согласился со мной, что вчера у тебя был тяжёлый день, потому мы позволили тебе сегодня поспать подольше.

Бэль молча кивнула и слезла с кровати. В этот же момент к ней подошла одна из девушек, взяла её за руку и провела к ванне. В этот момент остальные две из коридора в комнату втащили два деревянных таза с немного парящей водой и перелили её в ванну.

– Снимай с себя платье и чепчик, вытаскивай все из волос, – говорила Бэль девушка, доставая откуда-то небольшое пушистое полотенце.

Выбора не было, потому девочка стала снимать чепчик, и всем в комнате предстали её тёмные, густые волосы, рассыпавшиеся по плечам лёгкой волной. Они обрамляли её нежное лицо, и мисс Аллен заговорила:

– Кто бы подумал, что ты прячешь под чепчиком такую красоту.

Платье Бэль помогала снимать одна из девушек, затем она его бросила в угол, и девочка поняла – платье уйдёт на тряпки.

– Теперь в воду, Клара, – сказала одна из девушек.

– Зовите меня просто Бэль, – попросила девочка, переступая через край ванны.

И началась мука, которую девочка никогда не переживала ранее.

– Не хнычь! – приказала мисс Аллен, когда тело девочки растирали пушистыми полотенцами, оставляя в воде слои облазившей грязи. – Сейчас это делают девочки, запоминай, как они это делают, потому что в этом доме мыться нужно раз в неделю, и в следующий раз ты будешь делать все сама.

– Раз в неделю!? – взмолилась Бэль.

– Именно, раз в неделю. А при необходимости, хоть каждый день.

Когда мучения Бэль закончились, её вытащили из ванны,

вытерли насухо полотенцами, надели на неё серое с чёрным платье прислуги и посадили на табурет. Мисс Аллен принялась расчесывать её мокрые волосы, пока те не подсохли, и убрала их в крепкий пучок на затылке.

– И вот это, – одна из девушек подала Бэль новые чёрные туфли.

– Спасибо, – впервые за все время сказала Бэль, и мисс Аллен усмехнулась:

– За все скажешь спасибо мистеру Гилмору.

Бэль промолчала.

Когда Бэль была вымыта, одета и расчесана, мисс Аллен повела её к хозяину дома.

– Он хотел видеть тебя после ванных процедур, – объяснилась она.

Они вышли из комнаты, прошли по коридору третьего этажа, спустились на первый этаж и направились по коридору, который Бэль ещё не видела. Ей казалось, что это был первый коридор без ковра. Позже она поняла, что пол идеально ровный и деревянный для того, чтоб с кухни по нему было удобно вести тележку с едой. Они направлялись в столовую, в которую вели большие дубовые двери. Они были приоткрыты, поэтому Бэль увидела мистера Гилмора, стоящего возле стола и людей, что за ним все ещё сидели.

Сегодня мистер Гилмор показался Бэль моложе, его лицо казалось светлым, и весь его образ излучал тепло и доброту. За столом сидело так же толстое неприятное кудрявое суще-

ство, и будь оно в платье, Бэль подумала бы, что это толстая девчонка. Но это сидел мальчик лет двенадцати. А рядом с ним за столом сидела очень пожилая женщина, на ее пальцах было множество колец, а в ушах висели тяжелые сережки. С надменным видом она смотрела на тарелку перед собой, в которой уже ничего не было.

– Сер, – мисс Аллен прошла в столовую, – Вы просили меня…

– Да-да-да, Вы привели мисс Дэй.

Сегодня она выглядела лучше, чем за всю свою жизнь. Чистая одежда, мягкая ароматная кожа, темные волосы блестели на солнце с легким рыжим отливом, синие глаза переливались светом кристаллов, и на щеках был здоровый румянец.

Её милость для своих десяти лет заметили все присутствующие в комнате.

– И кто же это? – спросила пожилая женщина.

– Это мисс Дэй, – ответил ей мистер Гилмор.

– Что она тут делает? – с возмущением спросил толстый мальчик.

– Я буду отрабатывать в виде прислуги долг своего покойного отца в размере полутора тысяч фунтов, – ответила девочка.

– Милый, – проговорила снова пожилая женщина, – да для нас это даже не деньги! Гробить такую девочку рабским трудом!?

– Прошу прощения, – заговорил мистер Гилмор, – мисс Дэй, это моя уважаемая матушка Эделия Мэй Гилмор, и мой сын Чарльз Джон Гилмор.

– Приятно познакомится миссис Гилмор и мистер Гилмор, меня зовут Кларибэль Ванесса Дэй, – ответила девочка.

– Да, нам тоже очень приятно, – ответила миссис Гилмор.

– Я выделил ей третий этаж, работы там не много, и она не сложная, – говорил хозяин дома, – а после ежедневных уборок она может заниматься с мадам Дюпре. Если захочет.

У мистера Гилмора младшего от возмущения открылся рот.

– Отец! Прислуга будет обучаться с моей гувернанткой!?

– Замолчи, Чарльз, – строго произнесла миссис Гилмор, и хозяин дома дал жестом понять мисс Аллен, чтоб они уходили.

Когда они уже шли по коридору, Бэль услышала отголоски грозных выкрикиваний миссис Гилмор:

«Из-за полутора тысяч… ей лучше бы учиться… у неё на лбу написано… значит, пастырь не её отец… она ж такая тоненькая… я хочу… фортепиано!»

Мисс Аллен шла рядом напряженная и вскоре остановилась, когда крики остались где-то позади.

– Кто твоя мать? – спросила мисс Аллен спокойно.

– Я не знаю, отец только однажды рассказал, как они познакомились, и что она вышла замуж за уважаемого мистера Бартона.

– Сера Бартона? – переспросила мисс Аллен.

Бэль молча закивала.

Мисс Аллен посерела, а потом, схватив её за руку, потащила обратно на третий этаж.

– Объясняю, что нужно делать! – строго проговорила она.

Каждое утро теперь юная мисс Дэй обязана была просыпаться как можно раньше, одеваться, расчесываться и приниматься за уборку третьего этажа.

– Гости могут прибыть в любой момент, у мистера Гилмора много друзей, – говорила мисс Аллен, – среди них есть очень уважаемые люди Англии, поэтому комнаты должны быть в идеальном состоянии!

Каждое утро Бэль с двумя другими девушками, что были гораздо старше её, должны были везде вытирать пыль, мыть пол, а раз в месяц выбивать все ковры третьего этажа. Было их несчетное количество.

– Раз в неделю, по субботам, так же необходимо менять все постельное белье, – говорила мисс Аллен, – прибывший гость должен спать в свежей постели. Ах, и ещё, если все же гость прибудет, так как третий этаж твой, именно ты будешь его обслуживать: бежать на звон колокольчика и делать то, что тебе прикажут. Если и приятное в твоей работе. Если гостей в доме нет, по воскресеньям уборка не проводится.

Бэль внимательно слушала и поняла, что ей предстоит работа в огромных размерах, так как на третьем этаже было около двадцати комнат, которые должны быть в идеальной

чистоте, плюс коридор.

После не долгой лекции мисс Аллен оставила Бэль с её двумя помощницами по третьему этажу. Это были две девушки. Одна высокая и худая с рыжими волосами и пятнами по всему лицу, она была непривлекательна и казалась апатичной. Ей было около семнадцати. Другая была ниже ростом и больше весом с круглым лицом и короткими чёрными волосами. Ей было около пятнадцати.

«Сожгла случайно волосы, однажды разжигая камин» – рассказала она.

Рыжую звали Эмма, брюнетку – София.

С того момента для Бэль день стал стремительно сменяться днём, она не думала о занятиях с мадам Дюпре и даже не читала книг. Она больше не видела мистера Гилмора и его ближайших родственников. Сил думать о чем-то кроме уборки не было. Просыпаясь на рассвете, Бэль начинала с уборок дальних комнат, затем коридор и ближние комнаты к лестнице. Эмма и София помогали ей и даже выполняли больший объём работ, но Бэль страшно при этом уставала.

Весна переросла в лето. Солнечный третий этаж впитывал в себя жару, и работать стало сложнее. Мисс Аллен редко поднималась на третий этаж, сначала она очень часто приходила проверить работу Бэль, а позже перестала появляться на третьем этаже вообще.

В летнюю жару Бэль мечтала скорее о прохладе осени, и уже спокойно принимала ванну, радуясь возможности охла-

диться. В воскресенья Бэль тоже было чем заняться, ее привлекали к работе на кухне, и она помогала чистить картофель и вытаскивать из рыбы кости. Поэтому книги в шкафу в ее комнате оставались нетронутыми, а мадам Дюпре она так и ни разу не увидела в глаза.

Пришла долгожданная осень, и на третьем этаже стало проще работать. В комнатах уже висела прохлада, и на первом этаже уже нетронутый стоял графин с лимонадом, позже его вообще убрали. На дом стала опускаться зима, за окном завывали холодные ноябрьские ветра, лили дожди и били грозы. Приходилось протапливать третий этаж, зажигая камины, чтоб просохли ковры и постельное белье.

За эти полгода работы Бэль гости приезжали все пару раз, по одному, и то не на долго. Бэль сразу поняла, что нужно делать, поэтому со стороны гостей жалоб на её работу не было.

Кончился и ноябрь, шло дело к Рождеству, и однажды мистер Гилмор вызвал её одну к себе в кабинет.

Она шла по узкому коридору с зелёным ковром, здесь она была всего раз, навстречу кабинету своего хозяина. Постучав и получив разрешение, она прошла внутрь.

– Добрый вечер, мистер Гилмор. Вы вызывали меня.

– Да, мисс Дэй, – он сидел в своем кресле у камина, читая книгу в свете огня, – Вы хорошо работали весь этот период времени, на Вас не было ни одной жалобы. Вы читали все это время что-нибудь?

– Нет, сер, – ответила Бэль.

– И с мадам Дюпре не познакомились? – спросил он разочаровано.

– Нет, сер. Работа отнимает у меня слишком много сил, – ответила девочка.

– Вы работаете у нас с мая месяца, – говорил мистер Гилмор, – Ваше жалование сто фунтов в неделю, Вы отработали уже тридцать три недели, а значит заработали три тысячи и триста фунтов. Вы уже давно вернули долг за отца, и я даже пятьсот фунтов вернул Вашей школе.

– Сер, – зашевелила губами Бэль, – но идти мне некуда…

– Я не говорил, что Вам нужно куда-то идти, я хотел сказать, что Вам больше незачем утруждать себя уборками на третьем этаже.

– Тогда что мне делать, сер? – растерянно спросила Бэль.

– Учиться, мисс Дэй. Моя мать, например, хочет лично научить Вас игре на фортепиано. Она верит, у Вас есть к этому дарование.

– Я могу жить в своей комнате и просто учиться? – переспросила Бэль. – Ничего не отдавая взамен?

– Да, мисс Дэй, – говорил он.

Девочка смотрела на своего хозяина и не могла понять, счастлива она или нет. Последние полгода, а точнее почти восемь месяцев, она жила в доме считая, что обязана отработать долг покойного отца и это будет вся её долгая жизнь. Думала, что жизнь вообще окончена, а теперь ей дают возможность безвозмездно получить образование.

В этот момент Бэль вспомнила отца и школу, покосившийся старый деревянный дом.

– Хорошо, тогда я бы хотела начать занятия с мадам Дюпре, – проговорила Бэль.

– Это замечательно! – мистер Гилмор улыбнулся. – Приходите завтра к девяти утра на завтрак со мной и моей семьёй! Теперь Вы не служанка, а полноценный житель дома.

«Полноценный житель дома». Теперь для Бэль казалось странностью то, что есть она будет не внизу в кухне, в тесном и темном помещении, а в светлой столовой, за одним столом с мистером Гилмором.

– Сер, – вдруг заговорила Бэль, – всю жизнь привыкла есть ложкой, ничем другим не умею. Не обучена.

– Ничего страшного, мадам Дюпре всему вас научит, – ответил мистер Гилмор.

После этого хозяин дома отпустил её спать. Девочка, не веря в происходящее, шумно бежала вверх по лестнице, перескакивая сразу через две ступени, и вскоре оказалась в своей зеленой комнате.

«Полноценный житель дома» – все ещё произносил голос хозяина дома в её голове, когда она залазила под одеяло.

Все казалось огромной странностью, когда утром в восемь (что было непозволительно поздно для пробуждения прислуги) Бэль ласково разбудили Эмма и София, хоть их лица выражали недовольство.

– Мы обслуживаем третий этаж, – говорила Эмма, – сей-

час здесь один проживающий.

– Это ты, и теперь ты наша работа, – добавила София.

– Я все могу сделать сама, спасибо…

– Боюсь, что нет, – выдохнула Эмма, – тебя ждёт платье настоящей маленькой леди.

– Что? – Бэль испугано глянула на платье, что лежало на краю кровати.

Оно было золотым и пышным. Виднелись шнурки корсета и пенье.

– Нам надо в это тебя одеть, – заметила взгляд девочки Эмма.

Смиренно кивнув, Бэль стала вылазить из-под одеяла.

Панталоны, корсет, пенье, миллион шуршащих подъюбников и платье. Эмма умело завязала на спине большой золотой бант в то время, когда София заплела волосы девочки в жесткий пучок на затылке. Новые туфли на небольшом каблучке были неудобны, и ноги Бэль быстро устали. Выбирать не приходилось, поэтому девочка направилась в столовую.

– Ровнее спину, – дала совет Эмма.

– Но не выпячивай грудь, – поправила София.

Бэль в ответ тяжело вздохнула.

В столовой уже все собрались, сидели за столом и обсуждали выпавший ночью снег. Бэль тихо прошла в комнату и замерла, не понимая, как себя нужно вести. Она была рада, что её сразу заметил мистер Гилмор.

– Доброе утро, Кларибэль, – произнёс он.

– Доброе утро, сер, – ответила она, – и доброе утро миссис и мистер Гилмор младший.

Пожилая женщина в ответ кивнула, слабо дружелюбно улыбаясь.

Кровавые стены учебной комнаты мадам Дюпре сначала испугали Бэль, когда после завтрака её отправили на первый урок. Она сидела за деревянным столом на небольшом деревянном стуле, на таком же как в церковной школе, где училась до этого. Только мебель была сделана из дорогого темного дерева.

Мадам Дюпре была относительно молода, пышна и очень разговорчива – сказывалась горячая французская кровь. Своё лицо от рождения розоватое, она обильно пудрила, желая придать коже благородный оттенок слоновой кости. На ней было темно-зеленого цвета платье с жёстким корсетом, и она сидела в богатом кресле, разглядывая Бэль.

– Кларибэль, – произнесла она с французским акцентом.

– Можно просто Бэль, мадам Дюпре, – произнесла девочка.

– Мадмуазель, Вы встали на путь становления леди, Вам необходимо принять то, что теперь Вас никто не станет называть «просто Бэль». Вы Кларибэль Ванесса Дэй, мисс Дэй или Кларибэль.

Глубоко вдохнув через рот, девочка кратко кивнула.

– Вы знаете французский? Vous avez peut-être appris cette

langue à l'école.

Она что-то говорила на незнакомом языке, быстро, мягко, округляя каждую букву.

– Нет, мадам Дюпре. Я знаю только английский и латынь.

– Значит, на этих языках Вы читаете?

– Библию, мадам.

– А это?

Женщина поднялась из кресла, прошла через комнату и достала из шкафа небольшую книгу с жестким переплетом. Она раскрыла её и положила на стол перед Бэль.

Текст был на латыни, но что это, Бэль не знала.

– Сначала на латыни, а потом переведите.

Бэль послушно стала читать вслух рассказ. Это оказалась самая обычная детская сказка, поэтому перевод не составил труда.

– Но знать латынь и английский недостаточно! Леди необходимо знать французский. Мы займёмся его изучением.

– Мадам Дюпре, – тихо заговорила Бэль, – чему ещё вы будете меня обучать?

– Французский язык главное, что Вы должны изучить за этот год. Я и планирую, что Вы будете знать его в совершенстве. Вы обязаны знать географию, историю. Я научу вас шить или вязать на выбор – леди обязана иметь увлечения и таланты. Так же я обучу Вас игре на фортепиано. А также манеры!

– Простите, мадам Дюпре, но успела ли я за время нашего

разговора показать, что у меня ужасные манеры?

– Мистер Гилмор считает, что Вы не плохо показали себя за завтраком. Я не привыкла есть в общей столовой, но я верю мистеру Гилмору, но думаю, правила поведения за столом мы с Вами ещё обсудим. Как с кем общаться, как и на кого смотреть. Даже как танцевать вальс! Но вальс – это позже. Vous êtes trop jeune pour danser.

Бэль снова молча кивнула.

– Сегодня мы займёмся французским, потом я дам время определиться – вязание или шитьё, позже я проверю Ваши знания географии и начну объяснять то, что Вам ещё неизвестно. Историю оставим на завтра. А после ужина я хочу посадить Вас за фортепиано.

Учиться никогда не было так сложно, пусть в церковной школе и били за ошибки и прилюдно унижали, Бэль поняла всю тяжесть обучения, оказавшись в кровавой комнате мадам Дюпре. Она объясняла много, много заставляла учить, и если Бэль в чём-то ошибалась, смотрела на неё с читаемым вопросом в глазах: «Что этот ребёнок тут делает? Этой девчонке явно место не здесь». Французский язык начался с алфавита и чисел, и Бэль было необходимо покорить «картавую» букву «р», а также научиться произносить звуки мягко. Мадам Дюпре произносила одно и то же слово, показывая, как нужно двигать губами и языком, заставляя Бэль повторять.

– Не правильно! Посмотрите на мои губы, Кларибэль! –

она уже явно злилась. – Afrique!

Звуки казались невозможно сложными, поэтому отложив учебник французского, мадам Дюпре вытирала с лица пот платком – с этой ученицей, по её мнению, было просто невозможно работать.

Каждый день одно и то же. Французский язык уже снился Бэль в кошмарах, и она боялась прихода утра. Она знала, что утром придут Эмма и София, помогут собраться, и после завтрака её ждёт мадам Дюпре.

Из вязания и шитья Бэль выбрала первое, и быстро об этом пожалела. Петли слетали с крючка, в то время, когда мадам Дюпре рядом быстро (почти профессионально) вязала шарф.

– Вяжите усерднее, Кларибэль! Будет, что пожарить хозяину в благодарность на рождество.

Бэль действительно стала более внимательно относительно к шарфу из синей шерсти, что должна была связать.

В то время, когда мадам Дюпре и Бэль пропадали в учебной комнате, в дом приезжали гости. Все они планировали встречать с семьёй Гилмор рождество, поэтому у Эммы и Софии появилось много работы, и они не всегда имели возможность больше времени провести с Бэль. Сама она била неумелыми пальцами по клавишам фортепиано, когда дом украшали остролистом, а в большом зале (где проходили балы) установили большую ель, украшенную яблоками в карамели, мандаринами и свечами.

Бэль то и дело отвлекалась от нот, глядя через приоткрытую дверь кровавой комнаты, когда по коридору несли украшения, и раздавались счастливые голоса о приближающемся празднике. На улице выпало ещё больше снега, тяжёлыми хлопьями он опускался с хмурого зимнего неба. Хотелось выбежать на улицу и поиграть хоть с кем-нибудь в снежки, но за все это время Бэль ни разу не разговаривала с мистером Гилмором младшим.

– Кларибэль, играйте дальше, – потребовала мадам Дюпре.

По комнате разнеслись неумелые аккорды, и Бэль попыталась не думать об рождестве.

Географию, как сказала мадам Дюпре, Бэль знала не плохо, но недостаточно хорошо, поэтому каждый день женщина заставляла её выслушивать и записывать новый материал, который Бэль должна была выучить и рассказать на следующий день. Информации было порой слишком много, что Бэль снилось, словно она сидит в кровавой комнате и выслушивает очередную лекцию мадам Дюпре. История показалась для Бэль самым скучным уроком, но мадам Дюпре считала наоборот, поэтому они часто засиживались, заучивая даты и события.

Незаметно пришёл сочельник. Утром пришла Эмма и София, но Бэль проснулась до их прихода и сидела на полу у камина, разглядывая затухающий огонь. Сегодня и завтра Бэль была освобождена от занятий, весь дом праздновал рожде-

ние Иисуса.

– Бэль, тебя буду ждать внизу в столовой, познакомят со всеми приехавшими гостями, – говорила Эмма.

– Да, смотри, какое красивое платье мы тебе принесли! – София показала пышное розовое платье с кружевами и узором из тоненьких зелёных веточек.

– Спасибо большое, – проговорила Бэль, желая на самом деле молча кивнуть, но помня слова мадам Дюпре: «Что за молчаливое кивание!? Как китайский болванчик!» -, решила что-нибудь сказать вслух.

Внизу было шумно, столовая была переполнена, и неуверенно проходя внутрь, она увидела, что мадам Дюпре тоже здесь. В персиковом платье она сидела за столом рядом с сыном мистера Гилмора, что был явно голоден и не понимал, почему до сих пор его тарелка пуста. Избалованный капризный взгляд он поднял на свою бабушку – миссис Гилмор, что сидела поодаль в скромном темно-синем платье, скрывающем её покосившуюся от старости осанку.

– Чарльз, потерпи, ещё не все явились, – произнесла она.

В этот момент Бэль заметила, что в ее сторону идёт мистер Гилмор. Он добро ей улыбнулся и тихо произнёс:

– Не переживайте, что так много людей. Это все мои друзья и наши родственники, но они уедут после того, как пройдёт Новый год.

– Я и не переживаю, сер. Я просто удивлена.

Мистер Гилмор улыбнулся шире, положил руку на плечо

девочке и заговорил громче, обращаясь к гостям.

– Минуточку внимания! – в столовой повисла тишина, и все перевели взгляды на мистера Гилмора. – Мы здесь все знакомы, кроме одного. Это Кларибэль Ванесса Дэй. Я взял эту девочку на воспитание, после того, как её отец скончался.

– Марк Лестер Гилмор, да Вы сошли с ума! Взяли в семью сиротку? – раздался насмешливый голос. Это был высокий мужчина, сжимающий в руках бокал с шампанским. Его усы были больше похожи на щётку, а живот был круглым барабаном.

– Возможно и так, мистер Нортон, но ведь девочка нуждается в семье.

– Отец, не говори только, что дочь пастыря алкоголика я должен принимать за сестру! – послышался голос толстого мальчишки, он лениво слазил со своего стола. – Кто она вообще такая!?

– Чарльз, немедленно извинись! Перед всеми, за своё поведение, – голос миссис Гилмор был требователен и твёрд.

Избалованный и наглый мальчишка медленно осмотрелся вокруг:

– Прошу прощения за свою резкость по отношению к новому жителю дома, я просто удивлён столь неожиданной новостью.

– Не извиняйся, Чарльз, мы тоже поражены, – подал голос другой мужчина.

– Прошу быть более дружелюбными, – попросил мистер Гилмор.

– А мне даже нравится эта девочка, – произнёс густой низкий голос, и Бэль дрогнула. На неё смотрел чёрный глубокий холодный взгляд из-под тяжёлых бровей, – очень миленькая, заметьте джентльмены и леди.

– Это правда, что она дочь алкоголика, пусть и служащего богу? – спросила вдруг женщина в фиолетовом платье, обмахивающая свое худое и длинное лицо тяжелым веером. Ее чёрные волосы были убраны в несуразную смешную прическу.

– Родителей себе не выбирают, миссис О'Нилл, – ответил мистер Гилмор.

– Соглашусь, иначе я бы рос в более зажитой семье, – мужчина с усами-щёткой засмеялся, – хотя, не важно, какая была бы семья, главное, чтоб все умерли, и навязаться потом к Вам.

Многие подхватили его шутку неуверенными смешками.

Бэль чувствовала себя неуютно, её лицо горело от стыда.

– Хватит, – потребовала миссис Гилмор вдруг холодным голосом и встала со своего места, – все это, конечно, очень смешно, – казалось, от гнева она была готова плюнуть в лицо невоспитанному гостю, – но, по-моему, это переходит все возможные рамки.

– Миссис Гилмор, – усмехнулся мужчина с щёткой, – неужели Вы разделяете решение Вашего сына.

– Я поддержу своего сына, не смотря на то, какое бы решение он ни принял. Я успела уже познакомиться с Кларибэль, и она очень хорошая девочка.

– И у меня у неё отличные успехи, верно, Кларибэль? – заговорила мадам Дюпре, и не дав ответить девочке, продолжила. – Она умеет вязать, тянется изучить игру на фортепиано, хорошо обучена географии, и уже знает основы французского. Elle est une étudiante diligente.

– Merci beaucoup Madame Dupré, – произнесла Бэль, вспоминая все уроки французского, что она успела пройти.

– Что ж, – снова заговорила миссис О'Нилл, – может теперь мы позавтракаем?

«Не упасть в грязь лицом» – думала Бэль, опускаясь на стул, в то время, когда подавали завтрак. Миссис Гилмор сидела справа от неё и незаметно к ней наклонилась, шепнув на ушко: «Вот и посмотрим кто кого, я в тебя верю, Бэль».

В этот момент девочке стало ещё хуже, и уроки с мадам Дюпре моментально испарились из её памяти. Какие там аккорды на фортепиано они изучали? И как правильно держать вилку?

Завтрак прошёл со сплошными расспросами. Всем было интересно, кто такая Кларибэль Ванесса Дэй.

– Вы где-нибудь учились до того, как попали в этот дом, мисс Дэй? – просила миссис О'Нилл.

– Да, я училась в церковной школе, – проговорила Бэль.

– И жили с отцом? – спросила снова женщина.

– Да, – Бэль кивнула.

– А от чего он умер? – вдруг спросил снова низкий голос, и Бэль сжалась под тяжелым холодным взглядом.

– Роберт, дружище, – заговорил мистер Гилмор, – не мучай девочку подобными расспросами.

Воспользовавшись возможностью, Бэль все же положила в рот кусок мяса, но последовал следующий вопрос:

– И никого кроме отца у тебя не было? – это снова была миссис О'Нилл.

– Моя тетушка директриса школы, где я училась.

– Почему же она не забрала тебя?

– Милая, милая Кэтрин, может ты дашь поесть ребёнку, – мягко проговорил мистер Гилмор.

– Может и дам, но сначала узнаю всё, что мне интересно. Скажи, Кларибэль, а мама у тебя была?

Этот вопрос заставил девочку замереть, как и всех в столовой. Пока Бэль не ответила, не было слышно даже шума приборов.

– Я её не помню. Она умерла во время родов.

На этом вопросы закончились.

Весь день Бэль была предоставлена сама себе. Она ходила по коридорам, скрипя половицами и разглядывая картины. Порой она встречала вполне мрачные пейзажи. От скуки она даже ушла в библиотеку, где, уставившись пустым взглядом в страницу, читала что-то на французском, понимая почти каждое пятое слово. В доме была тишина, гости разбрелись

кто куда. На улице шёл снег, поэтому все были в доме, но он был настолько огромным, что сложно было отыскать хоть кого-то. Поэтому Бэль не постеснялась сесть за фортепиано, зная, что никто не услышит её ужасной неопытной игры. Она сидела в одном из залов первого этажа, как вдруг услышала шаги. Кто-то по коридору с зелёным ковром уверенно шёл к кабинету мистера Гилмора.

Бэль подхватив юбки, вскочила с софы и направилась по коридору в след. Она шла медленно, боясь быть обнаруженной, но вскоре увидела приоткрытую дверь в кабинет и замерла, услышав знакомые голоса.

– Марк! Отдай её мне! – это была миссис О'Нилл.

– Кэтрин, но зачем тебе она? И как мне тебе её отдать? Перевязать лентой и подарить на рождество? – говорил мистер Гилмор.

– У меня ведь никогда не сможет быть детей, а тут такая милая девочка! Марк, умоляю. Я готова заплатить любые деньги! – женщина молила его, но больше разозлила его, чем разжалобила.

– Ты плохо понимаешь, Кэтрин, что говоришь! Ты хочешь купить у меня эту девочку? Уверен в мире множество сирот, готовых назвать тебя мамой! Но Кларибэль будет жить здесь!

– Ты! – миссис О'Нилл остановила свою попытку оскорбления. – Как ты можешь так со мной!? У тебя есть сын! Что прока с этой девчонки?

– Кэтрин, – спокойно выдохнул мистер Гилмор, – я не хо-

чу ссориться с тобой перед Рождеством.

– Марк, тогда услышь меня…

– Это ты услышь меня! Кларибэль никуда не едет! Она будет жить здесь и воспитываться мадам Дюпре!

В этот момент Бэль поняла, что ей лучше уйти, и в ту секунду, когда она вбежала в зал, где была до этого, громко хлопнула дверь в кабинет мистера Гилмора, и фиолетовое платье мелькнуло где-то в конце коридора. Возмущённая женщина шумно поднималась на второй этаж.

– Эй, что ты тут делаешь? – позади неё раздался противный голос, начавший ломаться, и Бэль резко обернулась.

Сверкая золотой тканью костюма, перед ней стоял толстый, розовощекий кудрявый блондин – мистер Гилмор младший.

– Я играла на фортепиано, – ответила девочка.

– Когда это сельские девчонки умели играть на фортепиано!? – лицо Чарльза сморщилось.

Бель не знала, что сказать, глядя в его голубые поросячьи глазки.

– Мой отец пусть и глупец, но ты даже и не мечтай однажды стать мисс Гилмор!

– Я и не мечтаю, мне это и не нужно, – ответила Бэль, – ты мало что понимаешь в этой жизни, Чарльз. Я бы все отдала (даже несметные богатства и возможность стать приёмной дочерью богатейшего человека), только чтоб снова оказаться в родном деревянном доме рядом с живыми родителями.

Толчок был такой силы, что Бэль с трудом устояла на ногах, и в большей степени ей помогли это сделать миллион тяжёлых подъюбников, приковавших её к полу.

– Ты что о себе возомнила!? – крикнуло красное от злости лицо с толстыми кривыми губами. Он дышал через широкие ноздри и пучил свои узкие глаза.

– Чарльз! – Бэль снова резко обернулась, узнавая голос, пусть сейчас он был холоден и низок.

В дверях зала стоял мистер Гилмор, сжав руки в кулаки и убрав их в карманы.

– Эта мерзкая девчонка, – задыхаясь от злости говорил мальчик, – она посмела…

– Я слышал, что говорила мисс Дэй, – ответил его отец.

– Что? И ты не возмущён? Она сказала, что сын самого Марка Гилмора ничего не понимает! – кричал мальчик.

– Пойдём со мной, – сказал он сыну, и тот бросив на Бэль последний гневный взгляд, направился за хозяином дома в его кабинет.

Бэль снова осталась одна.

Тишина долго ещё весела в доме, до самого вечера, пока бальный зал (огромный и светлый с рождественскими украшениями) ни стал наполняться людьми. Бэль была удивлена, увидев миссис О'Нилл. Она была уже в голубом платье и вела себя так, словно никакого разговора с мистером Гилмором у неё не было. Сейчас она была в сопровождении своего мужа, удивительно внешне непривлекательного мужчи-

ны, казалось, он болен, но из всех сил не давал никому этого понять. Миссис О'Нилл все кружила вокруг него, приговаривая, что они очень скоро поедут искать тот Новый свет, про который только и пишут в газетах. Желая скорее начать фуршет, у стола кружил мистер-щётка, усы которого начинали шевелиться, стоило ему только заговорить с кем-то о винном букете, который подадут к праздничному ужину. Рядом с ним стояла высокая блондинка с крупными чертами лица, обмахиваясь веером. Сегодня утром Бэль не видела её на завтраке, видимо она прибыла позже. Возле мягких кресел вблизи высоченной ели стояли три одинаковых девушки, платья на них были разные и причёски тоже не были похожи, но лицом все они были одним человеком. Они стояли, изредка переговариваясь между собой и кидая взгляды в сторону толстого и избалованного мальчишки, что лежал на одном из кресел, почти за елью и ел конфеты, поставив коробку себе на живот.

– Какой позор! – рядом Бэль услышала недовольный голос, это была миссис Гилмор. – Мальчишка опять ест то, что нельзя, и привлекает слишком много внимания.

Пожилая женщина была в темно-бардовом платье (почти чёрном) с редкими вишневыми лентами ткани. Её седые волосы были застегнуты на затылке огромной заколкой с рубинами, и уставший взгляд был направлен на огромного поросёнка, что ел конфеты.

– Добрый вечер, миссис Гилмор, – Бэль сделала реверанс,

как её и учила мадам Дюпре.

– Здравствуйте, мисс Дэй. Где Вы пропадали сегодня весь день? Мы вместе с Вашей гувернанткой поговорили, и я решила самостоятельно учить Вас игре на фортепиано, – заговорила женщина, на секунду переведя взгляд на девочку.

– Я была сегодня на первом этаже, в восточном крыле, там есть небольшая голубая гостиная, там стоит фортепиано, я играла там сегодня большую часть дня, – говорила Бэль.

– Вам нравится играть? – спросила она, присаживаясь на софу, что стояла рядом. Бэль встала рядом.

– Очень, миссис Гилмор, пусть я делаю это очень плохо. Я выбрала самую дальнюю комнату, чтоб никто не слышал меня.

– Боюсь, думаю все равно нашёл тот, кто слышал…

– Только если Чарльз, миссис Гилмор, – ответила Бэль, – он, по-моему, караулил меня.

– Чарльз как обычно просто гулял по коридорам, пусть мадам Дюпре не освобождала его от сегодняшних занятий по математике. Я про моего сына – Марка Гилмора. Его кабинет как раз рядом.

Бэль замерла. Ей казалось, что ещё немного, и речь зайдёт о миссис О'Нилл, и она, не отдавая себе отчёт, перевела взгляд на женщину в голубом платье.

– Ведь этот зал как раз возле коридора в кабинет Марка, – проговорила миссис Гилмор.

– Вы думаете, он слышал, как я играю?

– Разумеется, и заверил меня, что у Вас огромный талант, – ответила миссис Гилмор, слабо улыбнувшись, – жаль, что этот…, – она снова перевела взгляд на Чарльза, – обделён талантами.

– Неужели Вы так думаете, миссис Гилмор? Ведь он Ваш внук, – Бэль устала стоять и села рядом.

– Видите ли, первая жена моего сына была богата, но глупа. Глупа, ленива, не красива, но богата. Чарльз взял у этой женщины все перечисленное. – говорила тихим голосом женщина.

– Что случилось с его матерью? – спросила Бэль.

– Ну, – женщина тяжело вздохнула, – когда Чарльзу было пять, она умерла от грудной жабы. Доктор говорил, что виной всему огромная любовь к выпивке и еде.

– К выпивке?

– Это секрет, мисс Дэй, его знают только члены семьи, поэтому если я и расскажу Вам про это, то точно не здесь.

Она медленно поднялась со всего места, бросила на Бэль тёплый взгляд и сказала:

– Удачного вечера!

Выровняв спину, она медленно пошла через зал, к Чарльзу, который съел уже почти все конфеты.

Позже начался ужин, настолько богатый, что Бэль сначала растерялась, оглядывая стол, а затем решила попробовать всё, что не ела прежде. Её всегда поражала еда в этом доме, которую ели его полноправные жители, но сегодня Бэль ка-

залось, словно стол был заставлен пищей богов.

Мистер О'Нилл почти не ел, разговаривая с другими мужчинами, в то время, когда его жена, казалось, ела за двоих. Мистер-щётка (его фамилии Бэль просто не запомнила) громко смеялся и говорил, делая щедрые глотки вина из бокала. Его щеки покраснели и в коже были видны полопавшиеся капилляры. В глазах скакала пьяная искра.

После ужина начался бал. Музыку играл оркестр, и множество разноцветных пар кружили по залу в вечернем вальсе. Никто не пел рождественские песни, никто не хвалил сына Божьего Иисуса, все забыли обо всем, ведь этот праздник был лишь поводом хорошо выпить и потанцевать.

Бэль смотрела на разрастающийся праздник, и понимала, что люди приезжают в этот богатый дом ради дорогой еды, алкоголя и танцев. Но мистер Гилмора это не смущало, он воспринимал это как что-то естественное.

В десять вечера мадам Дюпре отвела Бэль и Чарльза спать, в то время как вечер в большом зале только набирал силу.

На третьем этаже не было слышно музыки, и спать Бэль ничего не мешало.

Утром дети дома (а оказывается там были не только Бэль и Чарльз) должны были найти подарки под ёлкой в главном зале. Как и обычно утром Эмма и София пришли в комнату к Бэль.

– С Рождеством, мисс Дэй, – проговорила Эмма, раздвигая шторы, – как прошло твоё вчерашнее представление на-

роду? Слышала, мистер Нортон окончательно спился.

– Мистер Нортон? – Бэль подняла свою голову с подушки.

– Да, краснощекий мужчина с густыми усами, – ответила Эмма, и Бэль вспомнила мистера-щетку.

– Ах, да! Я помню его, – ответила Бэль, улыбнувшись, – он не поддержал мистера Гилмора в том, что он дал мне возможность жить и учиться здесь.

– Ты, наверное, не совсем правильно поняла, – выдохнула София, поправляя чепчик, – мистер Гилмор хочет тебя удочерить.

– А это очень странно, учитывая твоё происхождение, – добавила Эмма, – среди уважаемых людей подобное решение может приняться за сумасшествие.

– Поэтому мистер Нортон так отреагировал, – закончила София.

Бэль лишь понимающе закивала, хотя на самом деле ничего не поняла из их слов. Ей даже думать не хотелось о том, что они сказали. Мистер Гилмор хочет удочерить её? Тогда маленький толстенький Чарльз возненавидит ее ещё больше.

Эмма и София в этот раз одели девочку в платье светло-чайного цвета, а волосы убрали в переплетенные косы на затылке, и через некоторое время в комнату заглянула миссис Гилмор. Сегодня она выглядела хуже, чем вчера, и на ней было тоже светлое платье, только оно не красило её, заставляя выглядеть как призрак мертвой старухи. Она втянула через нос запах в комнате и косо глянула на Эмму и Со-

фию, что в это время стояли в стороне, опустив взгляды.

– Комнату необходимо проветрить, – вынесла вердикт женщина, и девушки согласно кивнув, поспешили открывать окна.

– Доброе утро, миссис Гилмор.

– Доброе, Бэль, и с Рождеством. Пойдемте со мной.

Выйдя в коридор, Бэль увидела все ещё сонного Чарльза, сощурившего свои узкие из-за больших щёк глаза.

– Интересно, какие подарки Отец Рождества подарит мне в этом году? – спросил он сам себя.

– Подарки на Рождество? – спросила сама себя Бэль.

Она не знала, что такое подарки. В церковной школе ей дарили только уголь, считая, что она не заслуживает большего, так как должна расплачиваться за грехи своего отца.

Миссис Гилмор ввела Бэль и Чарльза в зал, где было ещё пятеро других детей, что сидели в креслах вокруг елки. Бэль сразу обратила внимание, что все они смотрели на неё с неудовольствием. Все они были некрасивыми, в дорогой одежде и производили впечатление испорченных детей.

– Теперь вы все можете вскрывать подарки, – говорила миссис Гилмор, и в зал вошло так же ещё несколько взрослых гостей – родители детей, как подумала Бэль.

«Неужели в этот раз не уголь» – подумала Бэль и потянулась под елки за коробкой, но на ней было написано чужое имя.

– А кто из нас Диана? – спросила Бэль, и на неё подняла

взгляд одна из девчонок, с чёрными вьющими волосами.

– Допустим я, отдай мне мой подарок, – она вырвала из рук Бэль коробку, – а тебе здесь навряд ли будет подарок! Чарльз рассказал, кто ты такая! Иди отсюда вон!

Бэль бросила глаза на толстого блондина, что уже с недовольным лицом что-то доставал из своей коробки.

– Почему вчера вас не было на празднике? – спросила Бэль.

– Родители не позволили, чтоб мы были в одном помещении с какой-то простушкой, чей отец алкоголик, – ответил худой мальчик с рыжими пятнышками на щеках и носу.

– Но сейчас же вы здесь, – ответила Бэль.

– Закрой свой рот! – крикнул в ответ мальчик.

– Мистер Кембербетч, боюсь, Вашим родителям придётся подумать над Вашим подарком! Может Вам насыпать в карманы угля? – вдруг послышался голос миссис Гилмор.

Мальчик сразу замолчал, пытаясь найти свою коробку с подарком. Бэль молча подняла взгляд на женщину.

– Ты так и не нашла своего подарка? – спросила миссис Гилмор.

– Боюсь, что нет, – ответила девочка, и перевела взгляд обратно под елку, и в этот момент её взгляд упал на красиво выведенное имя «Кларибэль» по белой этикетке на большой коробке.

Девочка потянулась к ней, и уже через секунду открывала её. Это был не уголь. Внутри было несколько подарков, и

Бэль понимала, какой от кого.

Красивое пышное платье из золотисто-розовой ткани с бантом на спине и мягким корсетом было, конечно же, от мистера Гилмора. Набор композиций для игры на фортепиано (все страницы были в нотах) был от миссис Гилмор, к нему была прикреплена записка ровным удивительно красивым почерком: «Я знаю, ты сможешь сыграть их всех». Специально не на французском, чтоб не перепутала с подарком мадам Дюпре, ведь от гувернантки в подарок была звездная карта, тонкая книга о географии Великобритании и небольшое послание на французском, что гласило: «С Рождеством, Кларибэль! И с наступающим Новым годом! Надеюсь, оно запомнится надолго как самое светлое и счастливое». Бэль сомневалась в этом, ведь гости (среди которых были ненавидящие её дети) должны были провести в этом доме ещё неделю. Гости должны были разъехаться после наступления нового года.

– Ты рада этой тряпке? – спросила рыжая девочка, когда Бэль разглядывала платье.

– Не трогай её, Мари, а то опять вмешается эта старуха, – проговорила другая девочка.

– Да ладно! – усмехнулся Чарльз. – Бабушка ничего нам не сделаем! Верно, нищебродка? – он обратился к Бэль.

– Верно, свинья, – ответила Бэль.

Толстое лицо резко покраснело от гнева, и мальчик выскочил из-под елки, вскакивая на ноги, и желая вцепиться в

волосы Бэль.

– Чарльз, – недовольный голос миссис Гилмор заставил мальчика остановиться.

– Бабушка, она оскорбила меня! Она назвала меня свиньей! – негодовал мальчик.

– Да, ты не свинья, – проговорила женщина, – порой ты ведёшь себя как дикое животное, но точно не свинья. Ты больше похож на бешеную толстую обезьяну альбиноса, – строго говорила она, и дети у елки громко засмеялись. Все, кроме Бэль.

Чарльз стал ещё краснее, но уже от смущения перед сверстниками.

– А теперь иди на занятия с мадам Дюпре! – приказала она.

– Но сегодня же праздник, – попытался защитить он.

– Да, но ты до сих пор не знаешь, как пишется словно «сегодня», – строго говорила миссис Гилмор, и дети снова засмеялись.

Схватив свою коробку с подарками, Чарльз направился к выходу из зала, буркнув под нос: «Сумасшедшая старуха».

Коробка оказалась намного тяжелее, чем Бэль казалось, но она смогла донести ее до своей комнаты, ни у кого не прося помощи. В своей комнате (самой маленькой комнате третьего этажа, на котором жили все гости) Бэль разложила подарки по полкам, а платье убрала к остальному туалету. Сейчас в нем висело больше десяти разных платьев, но розо-

во-золотое казалось ей волшебным.

Весь оставшийся день заниматься было совершенно нечем. Мадам Дюпре не звала Бэль заниматься, поэтому девочка продолжила ходить по коридорам дома, в поисках чего-нибудь интересного и в ожидании Рождественского обеда, на котором хотела подарить мистеру Гилмору связанный ею шарф.

Шурша юбками по красному ковру второго этажа, где ни разу не была, Бэль нашла главную библиотеку дома. Она была огромная, с множеством шкафов и красными тяжёлыми занавесками на окнах, чем-то напоминая кровавую комнату мадам Дюпре. Красные диваны и кресла и множество свечей. В библиотеке никого не было, и Бэль вышла обратно в коридор. Дальше был небольшой салон, и что удивило Бэль – без фортепиано. Дальше по коридору и на запад шли спальни жителей дома: миссис Гилмор, Чарльза и мистера Гилмора. Дверь в конце коридора из тяжёлого темного дерева намекала, что за ней и скрывается спальня хозяина дома.

Бэль, недолго думая, прошла в салон и села на твёрдый темный диван. Вдруг шторы на окне чуть шелохнулись, и из-за них на неё глянули голубые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.